

На правах рукописи

Чёха Оксана Владимировна

**Новогреческая лексика
народной астрономии
в сопоставлении с балканославянской:
луна и лунное время
(этнолингвистический аспект)**

*Специальность 10.02.20 –
сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание*

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2009

Работа выполнена в Учреждении Российской академии наук
Институте славяноведения в Отделе этнолингвистики и фольклора

Научный руководитель *доктор филологических наук*
Толстая Светлана Михайловна
(Институт славяноведения РАН,
Отдел этнолингвистики и фольклора)

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук **Михайлова Татьяна Владимировна**
(Институт славяноведения РАН,
Отдел типологии и сравнительного языкознания)

доктор филологических наук **Рут Мария Эдуардовна**
(Уральский государственный университет
им. А.М. Горького, филологический факультет)

Ведущая организация:

**Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
филологический факультет, кафедра византийской и
новогреческой филологии**

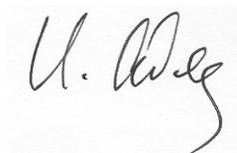
Защита состоится **19 января 2010 г.** в 15.00 час. на заседании
диссертационного совета Д 002.248.02 по защите диссертаций на
соискание ученой степени доктора филологических наук при
Институте славяноведения РАН по адресу: *119334 г. Москва,
Ленинский проспект, д. 32а, корпус «В», 9-й этаж.*

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном совете
Института славяноведения РАН

Автореферат разослан 10 декабря 2009 г.

Автореферат размещен на сайте: <http://www.inslav.ru>

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

И.Е. Адельгейм

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена новогреческой лексике и фразеологии, относящейся к луне и лунному времени. Данная группа слов, являющаяся *объектом исследования*, рассматривается как результат интерпретации, обобщения и закрепления в языковых единицах свойств объектов действительности и отношения к ним носителя языка.

Известно, что лунный календарь у многих народов на протяжении веков и практически до нашего времени регулировал хозяйственную жизнь, обрядовое и бытовое поведение. Мифологические представления о луне и ее влиянии на жизнь человека принадлежат к древнейшим пластам традиционной духовной культуры, составляя раздел народной астрономии и космологии. Анализ семантических моделей номинации луны и лунных фаз, семантики, сочетаемости, вторичных значений «лунной» лексики, а также ее функций в культурных контекстах позволяет реконструировать стоящие за лексикой когнитивные механизмы восприятия и категоризации мира.

Выбор объекта исследования продиктован следующими причинами. Во-первых, «лунный» словарь остается малоизученной областью лексики в новогреческом языке, как и во многих других языках. Во-вторых, эта группа лексики обладает ярко выраженным деривационным семантическим потенциалом. В-третьих, важными характеристиками избранной для анализа группы слов, помимо семантических, являются ареально-географические: для некоторых лексем удастся проследить четкие границы соответствия с другими языковыми границами Европы или Балкан. География распространения таких терминов может привлекаться как дополнительный источник при определении ареального членения как самой Греции, так и, шире, Балканского полуострова.

Глубинная связь «лунного дискурса» с системой верований требует комплексного этнолингвистического подхода к его изучению, т. е. обращения не только к языковым характеристикам соответствующих слов, но и к экстралингвистическим данным – обрядовым и фольклорным текстам, верованиям и повседневному быту.

Большой опыт этнолингвистического изучения традиционной духовной культуры накоплен в славистике, где этнолингвистическое направление связано прежде всего с московской школой Н.И. и С.М. Толстых и люблинской школой Ежи Бартминского. В русле этнолингвистического подхода создаются словари «Славянские

древности» (Москва) и «Słownik stereotypów i symboli ludowych» (Люблин), написаны монографии Т.А. Агапкиной, О.В. Беловой, Е.Л. Березович, А.В. Гуры, А.Ф. Журавлева, А.Б. Мороза, А.А. Плотноковой, И.А. Седаковой, В.В. Усачевой и др.

При выявлении комплекса народных знаний о мире этнолингвистика основное внимание уделяет языковым данным (народной терминологии и фразеологии), в особенности – семантике и мотивации языковых единиц. В связи с этим *предметом нашего исследования* стали семантические особенности и мотивационные связи лексики «лунного дискурса» как носители этнокультурной информации.

До настоящего времени новогреческая «лунная» лексика не исследовалась систематически ни в собственно языковом, ни в этнолингвистическом аспекте. *Актуальность диссертации*, таким образом, обусловлена отсутствием исследований, реконструирующих традиционные представления о мире в зеркале языка на греческом материале, что ограничивает возможности сопоставления языков и культурных традиций в балканском, общеславянском и более широком масштабе.

Сравнительный аспект настоящей работы предполагает рассмотрение новогреческой «лунной» лексики и ее культурных функций в сопоставлении с соответствующими данными балканославянских языков и традиций. Вхождение новогреческого языка в балканский языковой союз (БЯС) объясняет многие черты, объединяющие его с другими языками этого ареала. Однако балканский союз не ограничивается языковыми схождениями; связь балканских народов проявляется также в области культуры – в традиционных мифологических представлениях, повериях, ритуалах, фольклорных сюжетах и мотивах, что позволяет говорить о балканском культурном союзе.

Целью работы является этнолингвистическая характеристика греческой лексики «лунного дискурса», т.е. реконструкция ее культурных коннотаций и функций в сопоставлении с соответствующими характеристиками лексики балканославянских языков – прежде всего, болгарского и македонского, но также и сербского, хорватского, словенского, которые обычно не включаются в БЯС; привлечение материала этих языков объясняется желанием установить более четкие границы распространения изучаемых языковых и культурных явлений.

Поставленная цель предполагает решение следующих *задач*:

- собрать и систематизировать греческий языковой, фольклорный и этнографический материал по выбранной теме, что позволило бы

реконструировать фрагмент греческой традиционной картины мира, относящийся к луне и лунному времени;

- выявить и описать регулярные мотивационные модели, которые реализуются в греческих названиях луны и лунных фаз;
- определить круг вторичных значений «лунной» лексики;
- проследить географию распространения терминов «лунного дискурса» и соответствующих экстралингвистических явлений;
- сопоставить полученные греческие данные с данными других балканских традиций как в языковом, так и в этнокультурном отношении; выявить общее и различное в структуре концепта «луна» в новогреческом и балканском ареале.

Источники материала, использованные в настоящей работе, можно разделить на несколько категорий:

– лексикографические (словари литературного языка, диалектные, фольклорные);

– фольклорные тексты разных жанров (этиологические легенды, лечебные и хозяйственные заговоры, песни, погодные приметы, поговорки, загадки и др.);

– этнографические (лечебные практики, народная магия, корпус хозяйственных и бытовых предписаний и запретов, ориентированный на лунный календарь; обряды и обычаи семейного цикла) как опубликованные, так и неопубликованные (рукописи греческих архивов и полевые записи автора, сделанные в 2002–2004, 2007 гг.).

Методологической основой диссертации является положение о глубинной связи между языком и культурой, требующей их комплексного изучения и применения к греческому материалу подходов, разработанных в последние годы в рамках этнолингвистических, структурно-семантических, ареальных исследований, что составляет *новизну предлагаемой работы*.

Теоретической базой для диссертации послужили исследования ряда российских и зарубежных специалистов в области языка, этнолингвистики, мифологии и фольклора: Н.И. Толстого, С.М. Толстой, Т.В. Цивьян, И.А. Седаковой, В.В. Усачёвой, А.А. Плотниковой, Д. Младеновой, Н. Политиса, Г. Мегаса, Т. Вражиновского, Й. Ковачева, И. Георгиевой, Т. Джорджевича, Н. Янковича и др.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что в ней выявлено семантическое и мотивационное своеобразие новогреческой астрономической лексики «лунного дискурса» в сравнении с традициями балканских славян; предложена реконструкция фрагмента греческой традиционной картины мира.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных результатов в учебной практике при подготовке курсов по общей и греческой этнолингвистике; при идеографическом описании балканской диалектной лексики; при разработке методики и проведении полевых диалектологических и этнолингвистических исследований.

Апробация работы. Основные положения диссертации излагались и обсуждались на научных конференциях по этнолингвистике, фольклористике и неозллинистике: V, VII конференции молодых ученых по византистике и новоэллинистике (филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова 2002, 2004), «Традиционная культура современной Греции» (филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2007), «Толстовские чтения 12» (Ясная Поляна, 2008), «Балканские чтения 10» (Институт славяноведения РАН, 2009), «Этнолингвистика. Этимология. Ономастика» (Уральский государственный университет, Екатеринбург, 2009), «Человек и среда обитания в Юго-Восточной Европе (народности, виды деятельности, производство, средства коммуникации)» (X конгресс Межд. ассоциации оп изучению стран Юго-Восточной Европы. Париж, 2009).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка библиографии, приложения в виде подборки греческих фольклорных текстов, относящихся к лунному дискурсу (этиологических легенд, быличек, сказок, заговоров, загадок), в переводе автора а также трех карт и четырех иллюстраций. Общий объем работы 195 страниц, из которых 163 страницы составляют основной текст.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность выбранной темы, дается обзор литературы по теме диссертации, характеризуется материал и принципы его отбора, формулируется цель и основные задачи исследования, описывается структура работы.

В **главе I «Мотивационные модели номинации луны и лунного времени»** анализируются названия луны и лунных фаз; устанавливаются мотивационные признаки, которые кладутся в их основу; реконструируются модели организации лунного времени.

В **первом разделе главы I** рассматриваются две мотивационные модели номинации луны, отражающие различные характеристики этого небесного тела: а) его изменчивость и б) его светоносность.

Мотивационная модель ‘меняющееся [небесное тело]’

является основной моделью для славянских языков и представлена в них образованиями от и.-е. **mēs-* (**měsęcь* и **měsęčina*): болг. *мѣсяць*, *мѣхиць*, *мѣсец*, *месец*, *месец*, *месец*, *месеци*, *месець*, *м’асиц*; макед. *месец*, диал. *тајјанс*, *тајјнис*; сербохорв. *мѣсѣц* (вост.), *мѣсѣц* (зап.), *мјѣсѣц* (юж.), *tišec*, *tišec*; словенск. *měsens*, *měsec*, *-eca*; болг. *мѣсячина*, *месецина*, *месечина*, *месечинъ*, *месечинъ*, *месечинъ*, *месеъчина*, *мехчинъ*, *месечина*, *мехчън*, *мишчина*, *м’асечина*; макед. *месечина*; сербохорв. *месецина*, *мѣсечина*, *мјесецина*, *tišecina*; словен. *mesečina*.

В некоторых локальных традициях обе лексемы являются взаимозаменяемыми синонимами, в других их значения расходятся: **měsęcь* ‘луна’ и **měsęčina* ‘лунный свет’, или **měsęcь* ‘растущая или убывающая луна’ и **měsęčina* ‘полная луна’.

В современном греческом языке названия луны с и.-е. **mēH-n* отсутствуют, будучи вытесненными лексемой *σελήνη* еще в древнегреческий период развития языка. Факт их существования доказывается др.-греч. *μείς*, *μηνός* ‘растущая луна’, ‘видимая часть луны’, а также сведениями о культовом почитании божества луны под именем Мены.

В этимологической литературе нет единого толкования корня **mēH-n-* / **mēH-s-*. Основные этимологии сводятся к трем версиям (каждая из которых встречает формальные препятствия):

- и.-е. название луны производно от основы **mē-* (Мейе, Трубецкой, Фасмер и др.) либо же от **meH-n* / **meH-s* (Гамкрелидзе, Иванов) ‘мерить, измерять время’;
- и.-е. **mēnes-* обозначало ‘изменяющийся’, а в дальнейшем приобрело значение ‘метити, по очереди ставить, класть’ (Розвадовский);
- и.-е. **mēnes* – ‘месяц, луна’ этимологически родственен компаративу **men(i)os-* ‘меньший, меньше’ и прочитывается как ‘уменьшающееся’ [небесное тело] (Трубачев).

В настоящей работе отдается предпочтение семантической модели ‘меняющееся’ [небесное тело] по следующим причинам: 1) *менять(ся)* является универсальной лексемой для обозначения смены лунной фазы в славянской «лунной» терминологии; 2) идея «меняющегося» или «переворачивающегося» в период новолуния месяца лежит в основе греческих представлений о лунном времени и его структурирования.

Мотивационная модель ‘светлое’, ‘сияющее [небесное тело]’ имеет более позднее происхождение. Смена первичной номинации луны (‘меняющаяся’ → ‘светящаяся’) может объясняться желанием выбора

более экспрессивной внутренней формы для слова, называющего луну; либо же новым именем луны стал ее эпитет, как в случае с новогреч. диал. *λαμπρό* (досл. «светлая») ‘луна’ (предположительно из словосочетания *λαμπρό φεγγάρι* ‘светлая луна’).

Данная модель характеризует греческую традицию, в которой она представлена несколькими лексемами: *σελήνη* ‘луна’ < *σέλας* ‘сияние’, *φεγγάρι* ‘луна’ < *φέγγος* ‘свет’, понт. *φέγγος* ‘луна; лунный свет’, эфир. *λαμπρό* ‘луна’ < *λαμπρός* ‘светлый, сияющий’ (ср. с типологически родственными им латин. *luna* ‘луна’ < *lux* ‘свет’ или албан. *hënë* ‘луна, месяц’ < * *ksandā*, соотносимого с санскр. *candra*– ‘сияющий’).

Новогреческое *σελήνη* ‘луна’ – слово литературного языка, оно участвует в формировании научной «лунной» терминологии (*παρασελήνιο* ‘лунное гало’, *προσεληνώνω* ‘прилуниться’ и т. д.). Начиная с раннего византийского периода, в народной речи для номинации луны появляется *φέγγος*, которое, в свою очередь, в VII веке н.э. уступает место производному от него *φεγγάρι* (новогреч. *φέγγος* ‘лунный свет’ и *φεγγάρι* ‘луна’) и сохраняет значение ‘луна’ лишь в некоторых диалектах (понтийск. о *φέγγος*, румейск. *фэнгкус*, капподок. о *φέγγος*, ниж.–итал. о *фэньго*).

Для языков балканских славян мотивационная модель номинации ‘светящееся [небесное тело]’ нетипична, хотя фиксируются болг. диал. *лампеж* ‘луна’, *свец* ‘то же’, *нова свет*, *нова свец* ‘новолуние’, *пълна свец* ‘полнолуние’, *стара свец* ‘убывающая луна’, которые по всей вероятности являются семантическими кальками с греческого *φεγγάρι*.

Помимо названных моделей в новогреческом языке известны окказиональные **фольклорные номинации**, относящиеся к поэтической области языка, а именно: 1) именование появляющейся молодой луны *богатырем* или *богом* (греч. *νύο παλληκάρι* [молодой богатырь], болг. *дедо боже*, *дедо господ*, *нов дядо*, серб. *хеда* [дед]); 2) называние луны «чужим», т. е. неправильным *солнцем* (греч. *βλάχ'κους υκαλιούρς*, [валашское солнце] или *νήλιος άρβανίτικος* [албанское солнце]; или *звездой* (в текстах греческих заговоров *άστρο*, *πρωτάστρο* ‘луна’). В именовании луны богом или героем можно видеть рудимент культового почитания луны, в назывании месяца через звезду или солнце – следствие тесной связи, смешения лунного, солнечного и звездного «дискурсов» (греч. калабр. *φέγγο* ‘солнце’ или макед. *влашка месечина* ‘Плеяды’).

Во **втором разделе главы I** анализируются мотивационные модели номинации лунного времени (названий лунных фаз).

Лунный цикл делится на четыре или две части, при этом двоичное членение – более архаичное. Потому системность номинации лунного времени более заметна именно в названиях половин (не четвертей) лунного месяца, которые почти всегда взаимообусловлены (*νιό φεγγάρι* [новая луна] ‘растущая луна’ – *παλιό φεγγάρι* [старая луна] ‘убывающая луна’).

По наиболее распространенному представлению, один **лунный месяц** состоит из тридцати дней, отсюда такие названия полнолуния, как греч. *δεκαπέντασμα* [пятнадцати<дневие>] и др. Отсчет очередных тридцати дней нового месяца начинается в новолуние (греч. *ἀρχήμη του φεγγαριού* [начало луны], *καινούργιο φεγγάρι* [новая луна] ‘о новолунии’) или (реже) в полнолуние (*нова месечина* ‘полнолуние’ в болг. ихтиманском говоре).

Основным глаголом, обозначающим смену лунных месяцев, которая (как правило) приходится на **период безлуния**, является *γυρίζω* ‘поворачивать(ся)’, реже – *στρέφω* ‘поворачивать’ (*γυρίζει το φεγγάρι* [поворачивается месяц] *γυρίζει δρεπανάκι* [поворачивается серпик], болг. *повърнала се*). О периоде безлуния говорится также: месяц прячется (греч. *κρυφή του φεγγαρκού*, болг. *скриена е месечина*), гибнет (греч. *χάση*, болг. *пòгибел месеца*), рождается (греч. *γέννηση*, *γέννημαν του φεγγαρκού*; болг. *роди се месечината*; макед. *се раѓа*); выковывается (болг. *кòвне се*). У славян это время определяется еще и как пустая луна (серб. *празан месец*, макед. *на празна месечина*, болг. *на празно*).

День первого появления луны греки называют *πεντάχτης*, *πεντάτσι*, *πεντέχτη* < *πέντε* ‘пять’ (досл. «пяток, пяточек»), считая, что луну можно видеть на пятый день после ее «рождения». Главные модели номинации появляющегося первый раз месяца – это новая луна (греч. *καινούργιο*, *τζηανούρκον φεγγάρι*, *νιό φεγγάρι*; макед. *нова месечина*, *новина*; болг. *нòва месечина*, *нов мèsец*, серб. *нов месец*, *новак*, *новљак*) и молодая луна (серб. *млад месец*, *младоња*, *млаћ*, *младијак*; болг., макед. *млад месец*, *млада месечина*). Первый тип (*новая луна*) характеризует греческую, болгарскую и отчасти македонскую традиции, второй (*молодая луна*) – сербскую, словенскую и частично македонскую.

Главным универсальным мотивационным признаком номинации **полнолуния** служит полнота, завершенность лунного диска. Соответственно, луна в этой фазе называется полной, наполненной (*γέμωση*, *γεμόφεγγο*, *γεμοφέγγαρο*, *φεγγάρι γεμάτο*; болг. *пълна месечина*, *пљин мèsец*, *пљнèж*; серб. *пун месец*); надутой (*φουσκοφεγγαρία*), целой (*ολόφεγγο*, *ολοφέγγαρο*, *πανσέληνον*; болг. *цяла*); круглой (*στρογγυλό φεγγάρι*); правильной (*φεγγάρι* *σωστόν*; макед. *права месечина*).

Другие мотивационные признаки, которые кладутся в основу номинации полнолуния – яркость полного лунного диска: греч. *φέζη* [свечение]; болг. *ламπεж* ‘то же’, *ясна месечината* ‘то же’; серб. *чистина* ‘то же’; порядковый номер дня лунного месяца, на который приходится полнолуние: *δεκαπέντισμα* [пятнадцатый (день)].

Представлением о том, что на пятнадцатый день луна «встречается» с солнцем (т. е. на заходе солнца появляется на противоположном краю неба) мотивировано такие названия полнолуния, как *λιόκριση*, *λιόκρουσι*, *λιόκρουση*, *νηλιόκρουση*, *ηλιόκρουση του φεγγαρκού < ήλιος* ‘солнце’ + *κρούση* ‘встреча’ (досл. «встреча с солнцем»).

Подобно тому как противопоставляются друг другу полнолуние и новолуние (*полная* и *порожня* луна), **первая и вторая половины лунного цикла** (растущая и убывающая луна) составляют ярко выраженную оппозицию и наделяются противоположными оценками и символикой. Эта оппозиция осмысливается тремя способами: в категориях возраста (молодая–старая луна), в категориях размера (увеличивающаяся–уменьшающаяся луна) и в категориях оценки (хорошая–плохая луна).

Первая семантическая модель характерна для славянских языков и практически не встречается в греческом: серб. *млади месец*, *младина*, *млађак* ‘растущая луна’ – *стари месец* ‘убывающая луна’, *млади дани* ‘первая половина лунного цикла’ – *стари дани* ‘вторая половина лунного цикла’, *млада недеља* ‘первая неделя растущей луны’ – *стара недеља* ‘вторая неделя после полнолуния’; словен. *v mlaji*, *v mladih dnevih* ‘на растущей луне’ – *ob starem* ‘на убывающей луне’; болг. *млада* (месечина) ‘растущая луна’ – *стара* (месечина) ‘убывающая луна’; макед. *на новина*, *на млада* ‘о первой половине лунного месяца’ – *на стара*, *на полна* ‘о второй половине лунного месяца’. Вне зависимости от того, насколько последовательно рассматриваемая номинационная модель представлена в той или иной традиции, можно говорить об универсальности восприятия лунного времени через категории *молодого* и *старого*. Ср. общеполубалканское представление, что люди, родившиеся «на старой луне», рано старятся или же обладают «детским» умом, ср. в этой связи болг. *на стар месец е роден* [рожденный на старом месяце] ‘о мудром человеке’.

Вторая модель представлена как в греческом, так и в славянских (болгарском и частично македонском) языках. Увеличивающаяся луна получает в греческом однотипные названия (греч. *γέμιση*, *φέζη*, болг., макед. *новина*), а уменьшающаяся луна обозначается целым рядом терминов, в основу которых положены разные мотивационные признаки. Убывающая луна представляется пропадающей (*χάση*), отсутст-

вующей (*λείψη*), гибнущей (греч. *χασοφεγγαριά*; болг. *гънеж*; макед. *загуб*), убывающей (*λείψη*, *λειψοφεγγαρκά*, болг. *кратеж*), раскалывающейся, ущербяющейся (греч. *(ἀ)πόσχησις*; болг. *месеџт е наџџрбен*; макед. *уштиб*, серб. *уштан*), разламываемой, разбираемой на части (греч. *τοάκκισμα*, *τσ'ακκισίη*, серб. *месец растуран*), рассыпающейся (болг., макед. *расип*, серб. *месец расипан*), разрезаемой (*φεγγοκοπή*), сворачивающейся (болг. *свърната месечина*), возвращающейся / идущей назад (греч. *παίρν' πίσου φεγγάρι*, болг. *повъ рнала се, уδари назад*), съедаемой (макед. *месечината се јаде, на изедовина*, болг. *изет месец*, серб. *месец се једе*), темнеющей, слепнущей (макед. *темнува се*, болг. *слап месец*), вылитой, опорожненной (греч. *ἀπόρρησις*, макед. *цедит се*) и др.

В основе третьей модели лежат традиционные представления о «хорошем» и «плохом» времени. Верят, что одно и то же действие окажется успешным или неудачным в зависимости от того, в какое время оно совершается, напр., повсеместно на Балканах хорошим временем для рубки дров считались дни, когда луна уменьшается. В греческом языке такая оценка находит лексическое выражение: кипр. *καλόφεγγα* 'растущая луна' < *καλός* 'хороший, добрый' + *φεγγος*, *φεγγάρι* 'месяц' и *κακόφεγγα* 'убывающая луна' < *κακός* 'плохой, злой' + *φεγγος*, *φεγγάρι* 'месяц'.

Как правило, терминология лунного времени отдельной локальной традиции содержит одновременно несколько лексических единиц, представляющих различные мотивационные модели номинации. Частотность употребления отдельных терминов, а также широкий ареал их распространения позволяют выделить несколько доминирующих лексем для каждой традиции. В греческом языке такими являются образования от основ *χάν-ω* 'терять, пропадать, гибнуть', а также *λειπ-ώ* 'отсутствовать, быть недостаточным', *λιγοστεύ-ω* 'уменьшаться, убывать', отмеченные для юго-восточного (островного) ареала греческого пространства (См. карту 1). Распространение лексем с корнем *λυ-* и *λειψ-* (не *χασ-*) совпадает с зоной фиксации терминов *καλό φεγγάρι* [хорошая, добрая луна] и *κακό φεγγάρι* [плохая, злая луна], употребляемых для обозначения лунных фаз (См. карту 2). При этом, если в *καλό φεγγάρι* и *κακό φεγγάρι* можно видеть заимствования из итальянского (ср. терминологизацию сочетания *быть в хорошей* или *плохой луне* 'быть в хорошем или плохом настроении' в новогреческом и романских языках), то термины с корнями *λυ-* и *λειψ-* представляются собственно греческими образованиями; что позволяет поставить вопрос о выделении в рамках греческой традиции «средиземноморской» (юго-восточной островной) зоны.

Карта 1. Номинации второй половины лунного цикла с корнями χασ-, (ο)λυ-, λειψ-

Карта 2. Образования типа καλόφευγα / κακόφευγα (■)

В выводах к первой главе отмечается, что рассмотренные номинации демонстрируют наличие двух разных концепций лунного времени. Первая модель (сербская, словенская и частично македонская традиция) антропоцентрична, ориентирована на представления о «жизни» и «смерти» месяца (*молодая* и *старая луна*, безлунье интерпретируемое как смерть луны). Вторая модель (греческая и болгарская, частично македонская традиции) видит в луне прежде всего изменяющийся в объеме предмет.

Анализ мотивационных моделей номинации лунного времени наглядно демонстрирует схождения в области греческой и болгарской, реже македонской «лунной» терминологии. Привлечение общевосточного контекста позволяет не только выделить основные мотивационные модели, но и прояснить некоторые «темные» номинации лунного времени (как в случае с *δείπνια φεγγαριού* [ужин месяца] ‘последняя лунная четверть’). В то же время юго-восточная зона греческого ареала в ряде случаев органично вписывается в средиземноморскую традицию, ср. номинации типа *καλό φεγγάρι* – *κακό φεγγάρι* и итал. *luna buona* – *luna cattiva*.

Глава II «Представления о луне и лунном времени в народной традиции греков и балканских славян» состоит из пяти разделов.

В первом разделе «Луна как мифологический персонаж» рассматривается народный культ луны, проявляющийся, в частности, в текстах «приветствий», произносимых во время обрядовой «встречи» месяца, а также во всем комплексе предписаний и запретов, регламентирующих эту встречу.

Когда первый раз видели на небе молодую луну, кланялись ей, крестились, читали «Богородицу» или «Отче наш», протягивали ей хлеб, воду или деньги, здоровались с ней и просили «омолодить» встречающих, т.е. дать им здоровья, защитить от возможных несчастий и принести удачу. Верили, что непочтительное отношение к луне карается голодом, болезнями и бедностью и, опасаясь навлечь на себя гнев луны, не приветствовали ее сидя; не показывали на нее пальцем и проч. Свет молодого месяца также считался вредоносным, потому не переводили взгляд с луны на человека, плодовые деревья или постройки, чтобы не навредить им, а предпочитали смотреть сначала на горы, камни, море. Повсеместно на Балканах верили, что встречая молодой месяц с пустыми карманами, навлекут на себя бедность, потому при первом появлении луны позвякивали монетами; водили монетой по волосам, чтобы иметь

денег столько, сколько волос (серб., болг.); переводили взгляд с луны на богатого человека (босн.); поворачивали на руке обручальное кольцо (греч., кипр.).

В народных представлениях и в языковых номинациях луна часто объединяется с солнцем и в то же время противопоставляется ему, ср. загадку о солнце и луне из сев. Эвбеи: «<...> Τα δυο, που μοιάζουν και δεν παρομοιάζουν» [<...> Двое схожих и не похожих]. Луну считают холоднее солнца, а ее свет – менее ярким по сравнению с солнечным светом. Согласно этимологическим легендам, изначально луна светила так же, как и солнце, или (реже) сильнее его, но потеряла свою яркость после какого-то события (напр., выбили ей глаз или залепили грязью).

Луна в народной культуре воспринимается как «второсортное», «половинчатое», «неправильное», «чужое» солнце (ср. выше номинации типа *ήλιος αλβανίτικος* [албанское солнце] ‘луна’). На Балканах этот мотив приобретает особое звучание, органично вписываясь в контекст актуального для этого региона противопоставления «креста» и «полумесяца», т. е. христианского и мусульманского вероисповеданий. Так, месяц прямо называется турком в болгарской загадке о луне и звездах: «Турчина един, турчетата илядо» [Турок один, турчат тысяча]. Бинарная оппозиция «солнце – луна: христианский (греческий, сербский и т. п.) – мусульманский (турецкий)» прочитывается также в представлениях о том, что затмение солнца предвещает беды христианскому миру, а затмение луны – несчастья для мусульман.

Широко распространены представления о том, что луна – это солнце мертвых, и сам месяц, ночное светило, тесно связан со смертью (в одном из греческих заговоров его прямо называют братом Харона, т. е. Смерти), в то время как солнце светит живым и считается источником жизни. Месяц представляется местом обитания душ умерших. Македонцы и сербы верят, что на месяц попадают только души хороших людей, а в сев. Греции, напротив, полагают, что луна – прибежище душ убийц, начиная с братоубийцы Каина. На связь месяца с культом мертвых указывает и ряд поминальных обрядов, приуроченных к первому появлению молодой луны.

К числу признаков, по которым противопоставляются солнце и месяц, помимо горячего – холодного, яркого – тусклого, своего – чужого, живого – мертвого, относятся также мужской – женский и связанный с ним сухой – влажный. Самое главное отличие луны от солнца заключается в том,

что она – переменчива. Эпитет же солнца в греческом фольклоре – *παντότινος*, т. е. постоянное, вечное.

Характерным для лунного дискурса является также наличие сюжетов и мотивов, объединяющих образы луны и звезд (как бесчисленного множества, так и отдельных созвездий). Свет обоих ночных светил вредит людям, особенно роженице и младенцам, их спускают с неба ведьмы и проч. Многие из тех признаков, по которым луна противопоставляется солнцу, могут быть отнесены и к звездам (напр., признак чужого в приводимой выше загадке о турке и турчатах, т. е. о луне и звездах). Однако по сравнению с лунной звезды воспринимаются как «младшие», мелкие и тусклые; и если луну называют «чужим солнцем», то созвездие – «чужой луной»: напр., *влашка месечина* [валашская луна] 'Плеяды'.

Антропоморфный образ луны получает наиболее полное выражение в текстах, где Луна представляется младшим братом Солнца (греч., болг., серб.) или его младшей сестрой (греч., болг.). Болгары и греки считают Луну женой Солнца (ср. загадку: *Όταν φύγει ο αφέντης κι απομείνει η κυρά / τα λυχνάρια ένα-ένα μας ανάβει με χαρά* [Когда уходит хозяин и остается хозяйка, / она зажигает к нашей радости один за другим светильники]), в то время как в фольклоре сербов частым является мотив «месяц – жених» и широко распространены тексты о женитьбе месяца на утренней звезде или земной девушке. На гендерную идентификацию луны, на то, увидят ли в ней жену солнца (греческий вариант) или мужа звезды / земной девушки (сербский вариант), большое влияние оказывает грамматический род слов, используемых для номинации солнца и луны.

Луна может представлять также в зооморфном облике: в виде рогатого животного (коровы, быка, реже барана или козла), в виде коня или кобылы, ср. загадку о луне и звездах: *«Ένα λιβάδι γιομάτ' αυγά, περνάει τ' αλόγο, δέν τά τσακίζ'»* [Покрыт луг яйцами, конь ступает, а их не давит]. В других случаях говорится, что месяц – это всадник, который ездит по небу на коне (серб.) или на осле (болг.), а в греческих загадках о лунных месяцах, те оказываются седлами или яслями лошадей или мулов (т. е. календарных месяцев): *«Δώδεκα άλογα, δεκατρείς σέλες, ούτε άλογο ξέστρωτο ούτε σέλα αδειατή»* [Двенадцать коней на тринадцать сёдел. Каждый конь оседлан, ни одно седло не пустоет].

В загадках луна кодируется также через вегетативный код (дыня, апельсин, лимон) или предметный (перстень, жемчужина, миска, ложка, горшок), часто пищевой (пита в масле, кусок сала или

сыра, рыба на сковороде, крынка с молоком, блюдо с уксусом, сковорода с маслом).

Во втором разделе «Луна и век человека» рассматриваются народные представления о женской природе луны, о ее связи с женщиной, браком и ребенком.

Наделение луны продуцирующей женской семантикой во многом обусловлено мифологически осмысляемой связью между луной и периодичностью регул у женщин. Влиянием луны объясняли сексуальное желание женщины – на Кифере говорили *είναι στα φεγγάρια της*, досл. «она со своими месяцами». В Болгарии запрещали упоминать о появлении новой луны в доме, где есть девушка, достигшая половой зрелости; в Румынии о девушках, которые вступали в половые отношения до брака, говорили, что они «обвенчались при луне». Верили также, что луна определяет не только время вступления женщины в детородный возраст, но срок наступления родов (ср. с албан. «роды без луны» ‘о преждевременных родах’).

По народным представлениям, от того, в какой период лунного месяца был зачат ребенок, зависел его пол: по греческим суевериям зачатый на молодой луне ребенок окажется мальчиком, а во время полнолуния или на убывающей луне – девочкой, ср. запрет женщинам спать с мужем на «пропадающей» луне, чтобы не родить девочку.

Полагали, что родившийся в начале лунного месяца ребенок будет удачлив, богат, трудолюбив, красив и здоров, что ему суждена долгая жизнь. Наоборот, ребенок, рожденный на убывающей луне, будет болеть или умерет, ср. греч. диал. *χασοφεγγαρίτικα* ‘болезненные, слабые дети, родившиеся во время безлуния’ < *χασοφεγγαριά* ‘безлуние’, *λειψόφεγγος*, *λειψφεντζ’ίτικος* ‘слабый ребенок, зачатый после полнолуния’ < *λειψός* ‘уменьшение’ + *φέγγος* ‘лунный свет; луна’. Такой человек неудачлив, его ждет тяжелая жизнь, он будет быстро снашивать одежду, с юности у него будет старческое лицо.

Дети, особенно младенцы, считались наиболее уязвимыми для вредоносного воздействия луны и лунного света. По этой причине сербы избегали произносить слово *месяц* в присутствии маленького ребенка и в разговоре иносказательно именовали луну *ћеда* [дед]; на Лесбосе старались окрестить младенца в такой день, когда «нет месяца». Часто запрет на контакт с лунным светом распространяется и на роженицу. Напр., во Фракии роженицу не должны были «видеть» луна или звезды, чтобы не случилось ничего плохого; в юго-вост. Болгарии ей запрещалось в течение первых сорока дней после родов смотреть на луну, чтобы ночью к ней не явились дьяволы.

Как считали в Герцеговине, чтобы поскорее вступить в брак, в момент первого появления месяца девушке надо подпрыгнуть на месте со словами: *Ти стар а ја млада, док ми остарио мени суђеник дошао* [Ты старый, а я молодая, пока ты состарился, ко мне суженый пришел]. Болгарки на молодой луне изготавливали какую-нибудь вещь для своего приданого, чтобы их семейная жизнь была счастливой; в Сербии молодые люди и девушки бросали в огонь семена белены со словами: «Како пуца семе на ватри, тако нека пуца њено (његово) срце за њим (њом)» [Как трескается семя на огне, так пусть и ее (его) сердце трескается обо мне].

Старались, чтобы день празднования свадьбы или засылания сватов, пришелся на время полнолуния, чтобы молодые жили долго и дружно, чтобы имели много детей. Напротив, на убывающей луне (στη χασοφεγγιά) не играли свадеб, чтобы семейная пара не «пропала» (χάνεται το αντρόγυνο). В Сфакье (Крит) больше всего опасались, что луна «увидит» жениха и на свадьбе случится несчастье; чтобы этого избежать, старались приурочить свадьбу к такому дню, когда луна была «незрячей» или «смотрела» в другую сторону, либо же обманывали ее, вылезая через окно или выходя из дома с запасного входа.

Третий раздел «Луна в народной медицине» посвящен рассмотрению народных представлений о болезнях, вызываемых лунной и лунным светом, и способах их лечения. В народной медицине греков и балканских славян с лунной ассоциируются не все, а лишь вполне определенные виды болезней – кожные (бородавки, лишай, чирьи и т.п.), желтуха, зубная боль и некоторые психические недуги. Эта избирательность объясняется тем, что проявления именно этих болезней соотносятся с некоторыми характерными мотивами лунного «дискурса» – мотивом пятен и вредоносностью лунного света, иномирной природой месяца – в то время как мотив возрастания / убывания луны оказывается универсальным и широко используется в магической практике лечения самых разных болезней.

Греки считают, что бородавки получит тот, кто поклонится молодому месяцу в день его появления или в полнолуние, когда на нем показывается Богородица с младенцем Христом. В греческих заговорах бородавки называются овцами или козами месяца, которых больной «выпас», «выкормил», «напоил» и просит забрать обратно. Сведение бородавок было приурочено ко времени появления молодой луны или же, напротив, ко времени «пропадающей», т.е. убывающей луны, чтобы и болезнь пропала.

Врачевание некоторых других кожных заболеваний, сходное с лечением бородавок, а также ряд запретов, связанных с появлением молодой луны, расширяет перечень кожных болезней, вызываемых и изгоняемых месяцем, несмотря на то, что соответствующие заговорные тексты не фиксируются. На Закинфе при появлении чирья говорят, что больной «подхватил его на месяце», дотронувшись до себя в тот момент, когда увидел молодой месяц; поэтому с появлением следующей молодой луны чирей надо «выкинуть на месяц», т.е., приложив руку к чирью, трижды сказать, сплевывая назад: «Имел я кое-что, но потерял». Ср. в этой связи болгарский запрет переводить взгляд с появившейся в первый раз луны на человека, иначе тот покроется струпиями, чирьями и прыщами, или македонскую лечебную практику в полнолуние, а также на молодом и старом месяце поливать струпя дождевой водой, чтобы избавиться от них.

Во многих местах Греции желтуху называют *φεγγαρίασμα* < *φεγγάρι* ‘луна’ или *λόκρωση* [полнолуние], т.к. «лицо больного становится такого же желтоватого цвета, что и месяц»; о больном желтухой, говорят, что он *φεγγαριάζεται* или *λοκρίζεται*, и поят его отваром травы *φεγγαρόσκομη* [лунная пыль]. Как и в случае с кожными болезнями, причину заболевания желтухой видят в нарушении ритуального поведения человека по отношению к луне: на Керкире остерегались сидеть под светом появляющегося в первый раз молодого месяца, чтобы не «облуниться» и не заболеть желтухой; на Крите строго запрещалось мочиться против луны, чтобы «не разозлить месяц» и не стать «желтым-прежелтым» и т. д.

Чрезвычайно широко распространено в греческой традиции представление о том, что под влиянием луны у человека развиваются психические заболевания. На Крите рассказывали, что в ночь новолуния месяц «портит» воду, выпив которую, человек заболевает или потеряет разум. Слабоумного или душевнобольного человека на Симисе называли *φεγγαροπιασμένος* [схваченный луной], ср. греческое проклятие «*Νᾶ σὲ πιάη ὁ φέγγυο*» [Пусть тебя схватит луна] ‘Чтоб ты сошел с ума!’, а также словен. *luna ga trka* [его бьет луна] ‘о человеке, который совершает глупые поступки или неразумно говорит’.

В наибольшей степени такого рода представления касаются эпилепсии, которую называют *σεληνιασμός* или *φεγγαρίασμα*, *φεγγάρκασμαν*, *φεγγαριάτικο* (досл. «лунатизм»), ср. с румын. *a fi cu luna'n cap* [иметь луну в голове] ‘мучиться от эпилептического припадка’. Считается, что эпилептиком становится тот, кто спит на крыше, не защищенный от воздействия лунного света, или рожденный в

полнолуние ребенок, которого еще называют *φεγγαρογέννητος* [лунорожденный]’.

В некоторых селах Болгарии эпилепсию также называют *месчинката*, однако в целом в славянской традиции с вредоносным воздействием лунного света связано другое психическое расстройство – сомнамбулизм, лунатизм, распространенный у балканских славян запрет беременной женщине спать под лунным светом, потому что ее может «ухватить» месяц и она родит лунатика, *месечара*.

Воздействием луны принято также объяснять смену настроения и странности в поведении людей: греч. *είνι στα φεγγάρια τ’* [быть в своих месяцах] ‘злиться’, *είναι με τα φεγγαριά του* [быть со своими месяцами] или *έχει τα φεγγαριά του* [у него свои месяцы] ‘про того, у которого наблюдаются неожиданные резкие смены настроения (странности и т. п.)’, *φεγγαριάτικα* ‘чужачества, странности’; см. в этой связи сербское *месечар*, *мјесечар* ‘мечтатель, фантазер’.

К появлению молодой луны приурочивалось заговаривание зубной или головной боли, которое иногда могло носить профилактический характер.

Необходимо также отметить отсутствие в греческой традиции обращенных к месяцу заговоров от болезней внутренних органов, между тем как у балканских славян фиксируются заговоры для лечения *далака*, заболевания, под которым может пониматься болезнь селезенки или боль в груди.

В народных представлениях луна наделяется способностью «пить» или (реже) «есть» детей, которые оттого «сохнут», худеют и слабеют. Этим мотивированы такие названия худосочности младенцев, как *φεγγάριασμα* < *φεγγάρι* ‘луна, месяц’ и *φεγγαρόπιασμα* < *φεγγάρι* ‘луна, месяц’ + *πιάνω* ‘хватать’; а также лечебная практика поить слабых детей отваром из коровяка, народное название которого – *φεγγαρόχορτο* < *φεγγάρι* ‘месяц, луна’ + *χόρτο* ‘трава’ (досл. «лунная трава»).

Мотив «выпивания» ребенка месяцем, забирающим жидкость из его тела, получает в греческой традиции дальнейшее развитие: верили, что у младенца, на которого попал лунный свет, случится понос, отсюда такие названия диареи, как *λιοφέγγαρο* [полнолуние] или *φεγγάριασμα* < *φεγγάρι* ‘луна, месяц’.

В пятом разделе «Луна в народной магии» описываются случаи вербальной магии (народной этимологии), гадания в первый день молодой луны, а также нарративы о ведьмах, которые спускают луну на землю.

Лунный календарь регулирует хозяйственную деятельность земледельцев и скотоводов. При этом нередко приуроченность тех или иных работ к конкретной фазе луны объясняется действием механизма вербальной магии, напр., сев следовало начинать в полнолуние, чтобы зерна были полными, и т. п.

В области хозяйственной магии (за редким исключением) не фиксируется заговоров, непосредственно обращенных к луне. Большое значение влиянию луны придавали птицеводы и виноградари. Широко распространены предписания подкладывать яйца под наседку на убывающей луне, чтобы птенцы не успели вылупиться до окончания лунного месяца и не оказались «одномесячными», больными, или подрезать на молодой луне виноградную лозу. Это находит отражение в языке: греч. *μονοφεγγαρούδκια*, болг. *πύλετα едномè сечета*, ср с румын. *lunatic*; *φεγγάρισμα* ‘подрезание виноградной лозы’, *φεγγαριασμένος* или *αφεγγάριστος* ‘подрезанный или не подрезанный на молодую луну (о лозе)’, *φεγγαριάζω τ’ άμπέλι* ‘подрезать виноград на молодой январской луне’, *σφογγαριάζω* ‘первый раз подрезать молодую лозу’, *σφογγάρισμα* ‘первое подрезание молодой лозы’; также в корпусе паремий: «Γενναριώτικον φεγγάρι κλάδευε και μέραν μη ζετάξεις» [На январской луне подрезай, и на день не смотри] и др.

К первому появлению луны были приурочены гадания о замужестве. Заметив на небе месяц, девушки бросали на землю платок, пояс, ключ и т. д., которые потом клали под подушку, и обращались к луне с просьбой показать будущего мужа. На Крите в полнолуние гадающие со стебелем базилика в руке читали молитву, обращенную к луне, и смотрели на отражение луны в зеркале, надеясь увидеть будущего мужа.

В ряде случаев подходящим временем для гадания о замужестве считалась «новогодняя» (январская или мартовская) луна. Во Фракии в марте девушки при лунном свете завязывали три узелка на своей шали и обращались к месяцу с вопросом: «*Με ποιόν θα πάω να λύσω τους κόμπους;*» [С кем сойдуся, чтобы развязать узелки?], затем клали шаль под подушку, ожидая увидеть во сне будущего мужа; болгарки с этой целью при первом появлении мартовской луны клали в изголовье камешек или щепку со двора.

К появлению сентябрьской луны были приурочены гадания о погоде на будущий год (греч., болг.).

Необычайно популярны на Балканах рассказы о том, что луна выступает помощницей колдуний, которые спускают ее с неба. Подобные тексты бытовали уже в Древней Греции и в Византии, когда способность

опускать луну приписывалась ведьмам и еретикам, ср. болгарские сообщения, что луну спускают не только ведьмы, но и турецкие муллы, цыганки или вlahи.

Чтобы спустить месяц, ведьмы в полнолуние выходили во двор / на перекресток / на мост / в поля и там, сидя верхом на валике от ткацкого станка, «читали и заговаривали», раскручивая в руках валик, и «разными жестами» приказывали луне сойти на землю. В Болгарии распространено представление, что ведьмы спускают луну на воду, потому им непременно требуется река, родник, колодец или, в крайнем случае, котел с водой. Намазавшись кровью двух черных куриц, с колом сена в руке колдунья запрыгивает в очерченный круг и заклинаниями «сваливает» месяц в виде коровы или теленка. Ведьмы оставляют месяцу приманку – «волшебную питу» – и хватают его, когда он спускается поест. Нередки сообщения, что, спускаясь, луна пытается сбежать от колдуний и для этого пробивает дыру в земле: на Парнасе показывали источник Каркаро (< диал. *каркáри* ‘яма’), образовавшийся на том месте, где луна ушла под землю; болгары в Пиринском крае говорили, что земля трескается от рева месяца, когда ведьмы возвращают его обратно на небо.

Единичны рассказы о том, что колдунья «сбрасывала» луну только для того, чтобы продемонстрировать свое искусство. Как правило, они преследуют практические цели – получить необходимое знание, «испортить» неугодных им людей, отобрать молоко у чужих коров, забрать «спор» с чужих полей. В Гевгелии такие колдунии (*месечарки*) спускали луну словами «Јас сум теле, ти си крава!» [Я – теленок, ты – корова], чтобы стать невидимыми, а позже, произнеся «Јас сум жена, а ти месечина; јас сум доле, ти си горе!» [Я – женщина, ты – месяц; я – внизу, а ты – наверху!], обретали свой первоначальный облик. Многочисленны рассказы о том, как ведьмы доят месяц и изготавливают из его молока зелья, при помощи которых находят девушке жениха, отваживают от вдовы летающего змея, лечат больных людей. В Македонии рассказывают, что месяц сводили женщины, у которых не «держались», умирали дети, причем занимались этим не ведьмы, а сами отчаявшиеся матери и их родственники.

Сбрасывание луны с неба считалось не только опасным, но и неприятным занятием: для того, чтобы вернуть луну на прежнее место, ведьма должна была лизнуть своих нечистот; колдун, выпив лунного молока, проваливается в глубокий сон, и тогда в его тело через ноздри и рот заползают змеи, и т. п.

В фольклорных текстах мотив доения луны ведьмами и ее олицетворение в виде коровы нередко переплетается с мотивами происхождения лунных пятен или самой луны. Например, рассказывают, что пятна на луне появились оттого, что колдуны, заставляя вернуться корову на небо, бьют ее по животу палкой, которой чистят печи (греч.); в Банате в пятнах на месяце видели котел с молоком, и верили, что затмения происходят в то время, когда ведьмы это молоко пьют; в сев-вост. Родопах записана легенда о том, как ведьма превратила луну в корову.

В пятом разделе «Луна в народной метеорологии» дается обзор погодных примет, ориентированных на луну и лунное время.

В первый день появления луны обращали внимание на наклон ее рогов, светлое или тусклое свечение диска, на наличие вокруг нее нимба (гало) и др. «Новогодняя», сентябрьская, луна предсказывала погоду на весь последующий год. В дальнейшем погодные приметы могли получать метафорическое толкование, например, в Ликийи тусклый свет лунного диска служил предвестником будущих дождей, либо же – пролития крови и страшной резни.

Из всех погодных явлений луна больше всего связана с дождем и ветром, что отражается в терминологии дождей и облаков: *φεγγαριάτικη* [βροχή] или [βροχή] του *φεγγαριού* [лунный дождь] ‘дождь после новолуния’, [βροχή] της *λιόκρισης* [дождь полнолуния] ‘дождь после полнолуния’, [σύννεφα] της *αλλαξοφεγγαριάς* [облака меняющейся луны] ‘облака, приносящие дождь, который должен пролиться после перемены месяца’ и др. На близость образа луны к водной стихии указывает также и то, что лунный свет воспринимается как «льющийся», «струящийся»; луна может «выпивать» или «наливать» младенцев и сама воспринимается как «опорожняющаяся» или «наполняющаяся» (в отмеченных выше номинациях типа *απόχυση* [вылитая] или болг. *цеди се* ‘об убывающей луне’).

Образы луны и ветра объединяет свойство изменчивости и непостоянства, см., напр.: «*Φορρέα, γυναίκα τσε φορτούνα αντάσου φόλα το φεγγάρι*» [Ветер, женщина и удача изменчивы, как месяц]. О связи между луной и ветрами свидетельствуют представления о том, что каждые восемь и десяти дней луна проводит поочередно в одном из ветров (Крит), или что ветры заключены в лунном гало (Наксос); ветры происходят из воплей Каина, стоящего на луне (болг.), и проч. Нередки случаи, когда приступать к хозяйственной деятельности рекомендуется не только в конкретную лунную фазу, но и при определенном ветре: напр., «Для рубки дерева необходимо, чтобы дул северный ветер, притом

на появляющемся месяце; если делать это на юго-восточном ветре, замечено, сгниет дерево» (греч.).

Некоторые факты позволяют говорить о сходстве образов луны (*σελήνη*) и радуги (диал. *σελάς*), ср. в этой связи хорв. диал. *луна* ‘радуга’.

Приложение представляет собой подборку греческих текстов (загадок, этимологических легенд, быличек и рукописных заговоров), относящихся к лунному дискурсу.

В Заключении подводятся итоги исследования.

Этимологический и семантический анализ номинаций луны в греческом и балканославянских языках показал, что несмотря на автономность и закрытость как славянской (луна как ‘меняющееся’ небесное тело), так и греческой модели (луна как ‘светящееся’ небесное тело), последняя в ряде случаев выступает в качестве донора (ср. болгарские названия *лампеж* или *свец*, представляющие собой семантические кальки с греческих *φεγγάρι* и *λαμπρό*), и никогда – в роли реципиента. Случаи участия и.-е. корня **tē-H-n* в формировании греческой лексики лунного дискурса обусловлены не славянским влиянием, а скорее пересечением и наложением семантических полей лексемы *φεγγάρι* ‘луна’ и *μήνας* ‘месяц календарный’; сходное явление наблюдается в румынском языке, где лексема *luna* ‘луна’ приобретает значение ‘месяц календарный’.

Терминология лунного времени (лунных фаз) характеризуется большим разнообразием и пестротой. Членение лунного цикла на фазы в греческой и славянской традиции не всегда совпадает: у славян начальной точкой считается преимущественно безлуние, тогда как у греков (и болгар) – также и полнолуние, что находит свое отражение в номинации отрезков лунного времени. Если растущая луна (от появления нового месяца до полнолуния) получает в греческом однотипные названия (*γέμωση*, *φέζη*), то убывающая луна обозначается целым рядом названий, в основу которых положены разные мотивационные признаки. Она представляется пропадающей (*χάση*), отсутствующей (*λείψη*), истончающейся (*λείψη*, *λειψοφεγγαρκά*), раскалывающейся (греч. *(ἀ)πόσχησις*; болг. *месеџът е наџџрбен*; макед. *уштиб*, серб. *уштан*) и проч.

Названия растущей и убывающей луны, как правило, противопоставлены друг другу, т.е. составляют антонимичные пары: *νὸ φεγγάρι* (новая луна) – *παλιὸ φεγγάρι* (старая луна), *κακόφεγγο* (плохая луна) – *καλόφεγγο* (хорошая луна). Наличие подобных отношений даёт основание говорить о системности восприятия лунного времени традиционной культурой. Смена фаз луны обозначается глаголами и отглагольными существительными, наиболее распространенными из

которых являются *меняться* и *мена*; о месяце также говорится, что он *гибнет, рождается, переворачивается, прячется, делается, выковыивается* и т. п.

Выявленные в работе семантические мотивационные признаки, положенные в основу номинации лунных фаз, позволяют говорить о двух разных концепциях лунного времени и членения лунного цикла. Первая модель, характерная для балканославянских (сербской, словенской и частично македонской) традиций, – антропоцентрична, она представляет изменения луны как цикл жизни от рождения до смерти. Отсюда такие названия половин лунного цикла, как *молодая* и *старая луна*, а также акцент на периоде безлуния, который интерпретируется как «смерть» луны.

Вторая модель, представленная греческой, болгарской и (частично) македонской традициями, видит в луне уменьшающийся и увеличивающийся в объеме предмет, и детально разрабатывает терминологию второй половины лунного цикла. В ряде греческих номинаций растущей и убывающей луны находит отражение аксиология лунного времени, представление о «хорошей» и «плохой» луне.

Общевалканский контекст позволяет не только сопоставить основные мотивационные модели в греческом и славянских языках, но и прояснить некоторые «темные» номинации лунного времени в греческом. С другой стороны, юго-восточная зона греческого ареала в ряде случаев органично вписывается в средиземноморскую традицию, что объясняет параллелизм греческих номинаций с итальянскими и другими романскими, ср. греч. *καλό* и *κακό φεῦγάρι* («хорошая» и «плохая» луна) и итал. *luna buona* и *cattiva*.

Сами лексемы лунного дискурса, которые получили терминологический статус в народном языке, не обладают семантической определённостью, которая характерна для научной терминологии. Когда носители традиционной культуры используют в своей речи подобные лексические единицы, то осознают внутренний смысл слова, лёгшего в основу термина. Подобное восприятие терминологии способствует широкому использованию их в вербальной магии.

Помимо прямой номинации луны и лунного времени, лексические единицы лунного дискурса или их дериваты используются для обозначения других денотатов, а именно, а) для обозначения настроения или душевного состояния человека (злости, рассеянности, резкой смены настроения, ср. *φεγγαριάτικα* ‘чужачества, странности’); б) для номинации детей, рожденных на убывающей луне и потому

больных и несчастливых или рожденных в один лунный месяц и связанных одной судьбой (ср. болг. *едномесечета*, серб. *једномесечари*); в) для номинации болезней – эпилепсии (*φεγγάρκισμαν*, *σεληνιασμός*, болг. *месчинката*), сомнамбулизма, душевных заболеваний (*φεγγαροπιασμένος* ‘о душевнобольном человеке’, словенск. *luna ga trka*), желтухи (*φεγγάριασμα*, *λόκριση*), диареи (*φεγγάριασμα*, *λοφέγαρο*), «сухоты» младенцев (*φεγγαρόπιασμα*); г) для обозначения выведенных в течение одного лунного месяца цыплят (*μονοφεγγαρούδκια*, болг. *πiлетата едномесечета*), подрезанной на молодом месяце виноградной лозы (*φεγγαριασμένο / αφεγγάριαστο άμπέλι*) и т. д.; д) для номинации дождей и облаков (*φεγγαριάτικη* [βροχή], [σύννεφα] *της αλλαξοφεγγαριάς*).

Мотивационной основой данных номинаций служат признаки и характеристики, которые приписываются луне народным сознанием, представление об «иномирной» природе луны и связанной с этим ее способности оказывать влияние на физическое, психическое состояние человека (особенно женщины и ребенка) или же на его судьбу, на его хозяйственную деятельность, на погоду и т. п.

На общем фоне совпадения греческих и общевалканских фольклорных мотивов и обрядовых практик, они различаются смысловыми акцентами и ориентированы на разные свойства луны. Напр., в греческой народной медицине *лунатиками* называются больные эпилепсией (*σεληνιασμένος, φεγγαριασμένος*), тогда как у славян – больные, страдающие сомнамбулизмом (макед. *месечар*). Специфическими для славянских верований о луне можно считать представления об *одномесечниках* – людях рожденных в один лунный месяц и связанных общей судьбой; представление луны мужским персонажем или существом, способным менять свой пол и т. д. Для греческой традиции в целом можно отметить большую по сравнению со славянскими разработанность «лунной» терминологии и номинаций культурных явлений.

В этнолингвистическом аспекте особенно значимым представляется полная согласованность семантических моделей номинации луны и лунного времени с главными мотивами экстралингвистических свидетельств, относящихся к луне. Языковые и культурные контексты оказываются либо параллельными, либо взаимодополняющими. Мотивация языковых номинаций в большинстве случаев подтверждается мифологическими представлениями, верованиями, ритуальными запретами и предписаниями, фольклорными сюжетами.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Публикации в изданиях по списку, утвержденному ВАК РФ

1. Греко-славянские параллели в области традиционной культуры: луна в лечебной магии // Славяноведение. № 6. М., 2008. С. 31–43.

Публикации в других изданиях

2. «Лунные» номинации в греческом народном языке: корень φεγγάρ-/φεγγ- // Материалы международной научной конференции «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология». Екатеринбург, 2009. С. 278–279.
3. «Лунные» болезни в греческой народной медицине // Доклады российских ученых. X конгресс по изучению стран юго-восточной Европы (Париж, 24–26 сентября 2009 г.). СПб., 2009. С. 349–365.

Для заметок

Подписано в печать 08.12.2009
Объем 1,3 п.л. Тираж 100 экз.
Компьютерный центр ИСл РАН – ritlen@mail.ru